

Владимир САЛИМОН

ЗА ЛИЦЕВОЮ
СТОРОНОЙ
ПЕЙЗАЖА

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІ

2

В науку великих наук
нам встали, как будто
до сих пор живы, безумно
сиротливо отзвучив в чужой.

Узнав, насколько тяжело
минувшее вообще было
невероятно повезло
мне без веревки и без мина.

Другой бы заткнул уста,
а я заткнул вас всем
врод, как родную шкуру,
Москву — Трубку, Покровку, Кресло.

2009.

 Смирнов

Владимир САЛИМОН

**ЗА ЛИЦЕВОЮ
СТОРОНОЙ
ПЕЙЗАЖА**

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ (2008–2009)

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХІ

C16
ББК 84.Р7

Составитель Г. Ф. Комаров

Марка издательства работы
С. Семенова

ISBN 978-5-89803-212-8

© В. Салимон, 2011

В канун великих перемен
часы настенные, как будто
доисторический безмен,
скрипят отчаянно всё утро.

Узнать, насколько тяжело
минувшее столетье было,
невероятно повезло
мне без верёвки и без мыла.

Другой бы затянул петлю,
а я затягиваю песню
про то, как родину люблю, —
Москву — Трубу, Покровку, Пресню.

С переходом на время декретное,
будто в доме у нас свет погас,
безнадёжное и беспросветное,
не минуло отчаянье нас.

Вера в Бога, царя и Отечество
как-то вдруг пошатнулась моя,
и, в обиде на всё человечество,
в дальней комнате заперся я.

Поутру, когда явятся слесари,
когда двери они отпрут,
что я жив, но мне крылья подрезали,
работяги не сразу поймут.

Меня спасла моя семья.
Я взят был ею под защиту,
поскольку Родина моя
меня любила лишь для виду.

Калоши с валенками тут
являются единым целым,
а душу, не спросясь, берут
и разлучают с бранным телом.

Посоветуют мне последить за нервами,
и уеду я ко всем чертям собачьим,
запасусь крупкою и консервами,
чтобы милостыню не просить по дачам.

Дятел шишку, полную орехами,
расчекрыжит ловко в рощице еловой.
Вдруг пахнёт внезапно чебуреками
из любимой мною заводской столовой.

Там, на вентиляторном заводике,
время тоненькой подобно стало струнке,
там, постукивая мирно, словно ходики,
взад-вперёд дрезины ходят по чугулке.

Сбудется мечта моя заветная!
Будет мне железная дорога!
И моя соседка малолетняя
от восторга рот раскроет у порога.

Нам не пропасть средь без вести пропавших,
не затеряться между мертвецов —
найдут по отпечаткам пальцев наших,
отыщут всё равно в конце концов.

Собой не вправе я распоряжаться,
так как себе я не принадлежу,
а в кроличьей шапке я на зайца,
дрожащего от страха, похожу.

Настроение предновогоднее
чтобы ничего не омрачило,
ветром разноцветное исподнее
на верёвке бельевой качало.

Почему-то становилось весело,
глядя на трусы и майки наши,
несмотря на крошево и месиво
под ногами зыбкой снежной каши.

Я бы не страдал от одиночества,
если бы ни голые кусты,
памятник давешнего зодчества
в виде металлической звезды.

Ничего нет необыкновенного
в том, что ветер воет от тоски —
навсегда из городка военного
на заре ушли мотострелки.

Нержавейка быстро стала ржавою.
Из бетона сыплется песок.
А покрытый воинскою славою,
снегом замечает городок.

Площадь привокзальная расцвечена,
вся в огнях, как ёлка новогодняя,
вся она, как уличная женщина,
для семейной жизни непригодная.

За окном мороз, а лоб в испарине.
Поезд вдаль летит — во тьму кромешную.
Вот уж взгляд скользит мой по окраине,
где детишки лепят бабу снежную.

В рожице, где мишки косолапые
спят в берлоге под сосной поваленной,
несмотря на холода неслабые,
пар густой клубится над проталиной.

За окном отчаянная стужа.
Женщина во сне всплеснёт руками,
словно бывшего увидит мужа
в виде чёрта лысого с рогами.

Так ли страшен он на самом деле,
только ей доподлинно известно,
а тому, кто спит в её постели,
прошлое её неинтересно.

Пёс лишь с боку на бок повернётся
и опять уткнёт в подстилку морду,
если встать ей за полночь придётся,
чтобы запереться на щеколду.

Ворона села на балкон
и принялась плиту бетонную
долбить, как будто не бетон,
а крысу дохлую, зловонную.

Я отвернулся от окна,
закашлялся от отвращения.
А между тем уже весна
пришла и требовала мщения.

Выпь закричала жутко, как паромщица,
сил у которой больше не осталось,
и понял я тогда, чем лето кончится,
хотя оно ещё не начиналось.

Чем кончится Всемирная история,
вдруг понял я, когда услышал в парке
стоящего поодаль санатория,
как поутру́ ругаются кухарки.

Как дворники метут дорожки мётлами
увидев, я решил, что всё пропало,
такими и ленивыми, и подлыми
мне показались дворники сначала.

Вообразим себе с трудом
в обличье молокозавода местного
великолепный барский дом
мздоимца и крепостника известного.

Что был их барин негодяй,
приехавший в райцентр верхом на лошади
мужик, хвативший через край,
шепнёт нам посреди базарной площади.

Девчушка, выйдя из ворот
простоволосою, в трусах и в лифчике,
шмыгнёт, как мышка, в огород
с улыбкой хитрою на остром личике.

Барина всю ночь давили черти.
Будучи ни в чём не виноват,
принуждён был старый барин смерти
запросить у «Красных дьяволят».

Солнце встало, и река в тумане
показалась бледно-голубой.
Грибники, как будто с поля брани,
шли из леса по полю гурьбой.

Ничего грозы не предвещало,
разве только лёгкий ветерок,
плеск рыбацкой лодки у причала,
катера пожарного гудок.

Тяжёлое наследство прошлых лет,
в конце концов, на дно меня утянет,
где рыбы обглодают мой скелет,
добычей рачьей прежде чем он станет.

Бесхитростный отцовский инструмент:
сверло, напильник, плоскогубцы, клещи,
большой моток каких-то липких лент,
по меньшей мере, выглядит зловеще.

Запёкшаяся кровь на полотне
давно из строя вышедшей ножовки
внушает ужас, в том числе и мне,
и тем, кто не прошёл спецподготовки.

Редкие друг к дружке жмутся дачники,
водят разговоры нехорошие,
часто попадаются собачники,
так на заговорщиков похожие.

Бродят в предрассветной дымке парами
или сразу по трое, по четверо
под раkitами и под чинарами,
будто бы им больше делать нечего.

Под берёзами и под осинами —
вслед за слабо слышащими сучками,
кобельками с провалившимися спинами,
чьи хвосты утыканы колючками.

Заросли крапивы расступаются.
Скрытые от нас травой сорной,
берега речушки обнажаются
беспримерно мелкой, но проворной.

Я дотоле не имел понятия,
что у нас с тобой под самым боком
пышно расцветает демократия
в мире некрасивом и жестоком.

Здесь легко найдёт себе прибежище
всякий человек с душою нежной,
тут ему и стойбище, и лежбище,
и стаканов звон во тьме кромешной.

Здесь украшать дома заведено
на Троицу цветами полевыми.
Хлеб на столе, и рыба, и вино,
как будто не в Москве живём, а в Риме.

Пётр учит жить с оглядкой на закон
Царя Небесного, не предаваться пьянству,
прелюбодейству, вере учит он,
пришедшему с востока христианству.

Тут Павел. Тут Андрей. Тут Иоанн.
Но кто есть кто, попробуй разобраться!
Отчаявшись, я, в руки взяв стакан,
вдруг начинаю глупо улыбаться.

Нам на крыльях принёс музыкальный привет
от трудящихся масс Средней Азии
пересмешник, к нам в сад залетевший чуть свет,
так как не было прочей оказии.

Он свистал, как щегол, соловьём распевал,
щебетал, словно чижик в ольховнике,
и подружку свою он к груди прижимал,
целовались они, как любовники.

Вначале затихает птичье пенье —
Оно перемещается из сада
 под полог леса.
Тучи в отдаленье
тяжёлые, как грозди винограда.

Оранжевый, малиновый, лиловый —
вот те цвета, которые в избытке.
А на закате солнца шар багровый
висит на тонкой серебристой нитке.

И страшно мне, что нитка оборвётся.
когда её крылом заденет птица,
но надо мной любимая смеётся,
как будто вовсе смерти не боится.

Я целовать тебя в губы хочу,
но на беду паучок
быстро бежит у тебя по плечу
сухонький, как старичок.

Надо признаться, что добрых вестей
от старика я не жду.
Страшно боюсь я незваных гостей,
живности всякой в саду.

Ты даёшь мне больше, чем река
рыбаку даёт, чем лес — охотнику,
радуешь мне глаз, как облака
молодому моряку-подводнику.

Вынырнет корабль из глубины,
люк открыв, матросики любуются:
облака, как белые слоны,
в ловкости и силе соревнуются.

Шляпу сорвёт с меня ветра порывом.
Кутая горло больное,
молча я буду стоять над обрывом,
в озеро глядя лесное.

Людам бессмысленным и бессердечным
это покажется диким,
по существу, поведением увечным
иль помешательством тихим.

Людам, в особенности бесталанным,
может быть, даже бездарным,
вид мой немного покажется странным,
мировоззренье — полярным.

Главное — не загордиться
и не думать, что в лесу
рады нам и зверь, и птица.
И не делать им *козу*.

И не лезть, как к малым деткам,
к ним со всякой ерундой,
не скакать во тьме по веткам
обезьяною седой.

Яблоню срубил, чтоб свет не застила.
И теперь глядит на солнце прямо.
Белку застрелил, чтоб в сад не лазила.
Он её выслеживал упрямо.

В доме всё его руками сделано —
ложки, чашки, стулья и диваны.
Детям многочисленным не велено
руки без нужды совать в карманы.

Вдруг они окажутся бездонные,
словно у разведчиков советских,
в чьих карманах бомбы многотонные,
чтобы убивать солдат немецких.

Верно, недобрую весть принесла почтальонша.
Окна и двери захлопали в доме.
Грянули хоры.
Всех громче, но тоньше,
мышь домовая запела в соломе.

Курицы глупые в ужасе заголосили.
Овцы заблеяли, лошадь заржала.
Вышел хозяин из дома и в автомобиле
поковырялся слегка для начала.

Мы не заметили сразу камзола и шпаги,
только когда повернулся лицом к нам,
порванный в клочья туман затаился в овраге,
солнце огнём полоснуло по окнам.

Ария герцога, видно, давалась непросто.
Кровью глаза налились, вздулись вены.
Стало вдруг жаль его, грузного, среднего роста,
старого слишком для оперной сцены.

Как будто бы прошла гроза,
как духовой оркестр за стёклами,
и с лёгкостью твои глаза
от слёз внезапно стали мокрыми.

Тебя растрогал жалкий вид
стоящего на плитке чайника,
что представлял собой гибрид
скворечника и умывальника.

Свистал спросонья что есть сил.
А доведённый до кипения,
взорваться всякий раз грозил
и улюлюкал без стеснения.

Никто из нас не обращал внимания
на страшных чудищ, шествующих мимо,
как будто эти странные создания
среди людей присутствуют незримо.

Я чувствую, как небо содрогается,
как ходят ходуном моря и горы,
так, словно лесом кто-то пробирается,
повадились в наш сад ночные вору.

Следов не видно, но сирень поломана,
повалены цветы, помяты грядки.
У пугала полá плаща оторвана,
и ветер треплет алый край подкладки.

Единственное яблоко в саду.
Его сорвать соблазн велик настолько,
что я накликаю на себя беду
на самом деле не боюсь нисколько.

Поддамся искушенью я легко,
почти не окажу сопротивленья.
Я яблоко сорву и съем его,
за что вовек не будет мне прощенья.

Надтреснул чуть у яблока бочок,
и сок по шкурке розовой струится.
Всё налицо — наживка и крючок,
и рыболов, и глупая плотвица.

Наша жизнь протекает у них на глазах.
Им известно, что с нами творится
при закрытых дверях в заводских корпусах,
где военная тайна хранится.

О глухих казематах, тюремном пайке,
о порядке в палате больничной
знают муха, сидящая на потолке,
будучи акробаткой отличной,
воробей, прилетевший зерна поклевать.

Тополь узенький — тощий и длинный —
станет вдруг ни с того ни с сего горевать
по душе моей, прежде невинной.

Содружество людей, зверей и птиц
претерпевает явственный упадок,
а после бегства за море синиц
и вовсе горький на сердце осадок.

В саду на лавке, выкрашенной в цвет
молоденьких фисташковых орешков,
встречаю с папироскою рассвет
я, как писатель Горький, он же — Пешков.

Полной грудью дышит разнотравье.
Как я полагаю, на селе
прежде воцарится равноправье,
а уже потом на всей земле.

Страшно заразительным примером
некогда служил цветущий луг
лишь одним советским пионерам,
но теперь он служит всем вокруг.

Парикмахерши сутулые в потёмках
кружатся по залу молчаливо,
а по саду рыщут нищенки, в котомках
у которых банки из-под пива.

Вот они какие наши танцы-шманцы.
Словно без конца и без начала.
Нам на солнце вспышки, нам протуберанцы,
верно, доставляют бед немало.

Звёздный дождь нам всем приносит много горя,
хоть не слишком часто выпадает.
Бедное дитя, домой вернувшись с моря,
глядя поутру в окно, рыдает.

Чтоб понять, как Божий мир устроен,
кто-то постоянно точит нож.
Равнодушен и холоднокровен,
он на мясника весьма похож.

Мне с годами острый глаз хирурга,
точная рука часовщика
стали не нужны, чтоб от недуга
уберечь бесценного дружка.

Я во мраке простираю руки
и шепчу волшебные слова,
и под их чарующие звуки
звёзды блещут и растёт трава.

Словно лампочку кто-то нащупал
и вращать её начал упрямо —
вдруг вдали за рекой вспыхнул купол
на пригорке стоящего храма.

Словно провод задев оголённый,
в небе жалобно вскрикнула птица,
вдруг услышал я гром отдалённый,
когда вспыхнула в небе зарница.

Стали явственны чёрные тени
меж кустами смородины красной,
будто лестницы шаткой ступени,
ненадёжной и небезопасной.

Было бы неплохо местожительства
нынешнего вспомнить адресок,
чтобы у московского правительства
получить заветный ордерок.

Кто бы ни вселился в мою комнату,
он в каком-то смысле будет мной —
станет он ходить на кухню по воду,
становиться на пол ледяной.

Ноги у него, как корни дерева,
хищным поражённые жучком,
у него отнюдь не от безделия
руки, как у женщины с веслом.

Крепко ль голова на шее держится,
не могу сказать наверняка,
но однажды, бреясь, он зарежется,
если дрогнет у него рука.

Счастливая возможность заглянуть
за лицевую сторону пейзажа,
когда мы собрались в обратный путь,
меня слегка развеселила даже.

Мы в лес вошли со стороны реки.
Напрасно лгут, что мира нет иного, —
услышал я скрип половиной доски
и скрежет дверцы шкафа платяного.

Мне показалось вдруг, что я стою,
поднявшись среди ночи, на террасе
и дома своего не узнаю,
хотя учусь уже в четвёртом классе.

Думал я, что мы друзья навеки,
но на ближних подступах к Москве,
из вагона выпрыгнув, калеки
скрылись в предрассветной синеве.

Сразу следом за глухонемыми
на ходу почти что вышел вон
человек, так сладко о Нарыме
певший нам под свой аккордеон.

На вокзале, похватав вещички,
все тотчас пустились наутёк.
Шёл снежок, ломались подло спички.
А без них я закурить не мог.

На колючей проволоке мёртвая
птица на одном крыле повисла.
Свободолюбивая и гордая,
выглядит она довольно кисло.

Глаз её навеки затуманился,
голова её склонилась набок.
Я о проволоку сам слегка поранился,
захотев набрать колхозных яблок.

Красные и жёлтые, как мячики
скачут по земле они вприпрыжку,
когда их укладывают в ящики,
на смерть приколачивают крышку.

Среди садовой земляники —
в усах и в бороде,
как голова на острой пике,
скворечник на шесте.

Меня пугает череп голый,
страшит беззубый рот
и что в домишке том весёлый
скворец с весны живёт!

Честный, чёткий почерк у отца.
Может, нечего ему скрывать?
Может, от начала до конца
вновь перелистать его тетрадь?

Друг его от верной смерти спас.
Ясно из заметки на полях —
поднявшись в атаку первый раз,
испытал он ужас, а не страх.

Снег всё не шёл.
В конце концов,
чтоб место зря не пустовало,
по грядке из-под огурцов
расхаживать ворона стала.

Она ходила целый день,
с утра до ночи, непрерывно,
клоня головку набекрень
и ножки ставя как-то странно.

Поглядывала, щуря глаз,
и, чуть картавя, говорила.
В переселенье душ подчас
немудрено поверить было.

Разговоры о жизни и смерти
понемногу заходят в тупик.
У меня, несмотря на усердьё,
начал вдруг заплетаться язык.

Стали разом тяжёлыми веки
и бесцельно блуждающим взор,
и внезапно возник в человеке
для тоски и унынья простор.

В сердце место нашлось для печали,
и охота пропала совсем
с умным видом вдаваться в детали
чуждых мне философских систем.

При пожаре и при наводнении
то немного, что уцелело,
отдадим мы в музей на хранение,
чтобы там наше время ржавело.

Пусть глядит молодёжь с изумлением
на старинного быта предметы,
видя звёздочки с маленьким Лениным,
а с большим — ордена и монеты.

Как с любовью к Родине мне быть,
когда стало совершенно ясно,
что и славословить, и хулить
в равной мере Родину опасно.

На плечо уселся мне скворец.
С огородным пугалом случайно
спутал он творения венец,
будучи доверчив чрезвычайно.

Облака касаются земли
влажными и тёплыми боками
и жужжат натужно, как шмели,
как стрекозы, шелестят крылами.

Всё для тебя — и золото садов,
и в дымке предрассветной рощ багрянец.
О скором приближеньи холодов
предупреждает журавлиный танец.

В нём что-то есть от пеня медных стрел
и скрежета мечей на поле боя,
когда при виде сотен мёртвых тел
безумье охватило вдруг героя.

Если только полущёпотом,
только с глазу на глаз ночью тёмной —
смысла нет делиться опытом
нам с аудиторией огромной.

Сведениями секретными
не располагаем мы с тобою.
Состояньями несметными
не кичимся мы перед толпою.

За спину закинул полотенце я.
Сел на стульчик шаткий рядом с койкой.
До сих пор ещё интеллигенция
остаётся узкою прослойкой.

Весь в заусенцах яблоневый ствол.
Колючий, словно веточка коралла.
Хотел потрогать — руку уколел,
иль гад морской в неё вонзил мне жало.

К утру раздулась у меня рука.
К полудню поднялась температура.
И понял я, что жизнь мне дорога,
а не искусство и литература.

В пруду холодная вода.
У бедной прачки сводит ноги.
А водомерка без труда
туда-сюда по пруду ходит.

Мне преимущество её
над глупой бабой очевидно,
что лезет в пруд стирать бельё.
Мне и досадно, и обидно.

Вьются в мутной воде прудовой
листья толстые, как караси.
С непокрытой стою головой
я в студёной осенней грязи.

Снег лежит на еловых ветвях,
на замёрзших кустах хризантем,
только в рыжих лесных муравьях
жизнь ещё не угасла совсем.

Только всё ещё по проводам
ток бежит, несмотря ни на что,
и сосед на вопрос мой: *Кто там?*
всякий раз ржёт в ответ: *Конь в пальто!*

Окно захлопнулось, как книжка,
журнал, в сердцах на лавку брошенный,
как чемоданчик, где бельишка
комплект хранится, в стопку сложенный.

О лампу бабочка ночная
как только ненароком стукнулась,
тотчас реакция цепная
пошла, откликнулась, аукнулась.

Пошло-поехало, как будто
мы выпили вина горячего,
чтоб нам совсем не стало худо
зимой от холода собачьего.

Позёмкой посечённые до крови,
с тоской глядят домашние животные.
Попробуй заглянуть в глаза корове,
совсем ещё недавно беззаботные.

Они полны унынья и печали.
Как тяжело живут парнокопытные,
мы прежде никогда не замечали —
самовлюблённые, нелюбопытные.

Ночью мне не страшно одному.
Днём страшней намного в одиночку,
плохо понимая что к чему,
за столом сидеть, уставясь в точку.

Нету у меня среди вещей
чашки, ложки, вилки с вензелями,
с детства дорогих мне мелочей,
словно растерял я их с годами.

У меня был перочинный нож,
но он в Лету канул безвозвратно.
Если ты теперь его найдёшь,
мне ужасно будет неприятно.

Предположенья можно делать только
насчёт её длины и ширины —
нам не видна в деталях новостройка,
лишь огоньки на башенках видны.

Издалека доносится мотора,
былую мощь утратившего, рёв,
доносятся обрывки разговора,
и слышится мычание коров.

Как будто непонятные сигналы
нам посылает разум неземной,
но глухи мы, беспомощны, отсталы,
затеряны в пустыне ледяной.

Тусклый свет, должно быть, от лампы.
На столе нехитрая закуска.
А когда нагрянут в дом солдаты,
тотчас же порвётся там, где узко.

Нам передаётся чувство страха.
Среди ночи слыша стук калитки,
просыпаюсь, а на мне рубаха
вся от пота мокрая до нитки.

Тайной вечера изображение,
вставленное в рамку аккуратно,
в целом вызывает возмущенье,
но его разглядывать занятно.

Я обратил к сынам Отечества,
копящим даром небо, взор
и пожалел, что человечество
не вышло в люди до сих пор.

К полудню площадь привокзальная
внезапно сделалась пуста,
и мне как будто изначальная
её открылась красота.

Я вдруг почувствовал волнение
необъяснимое в душе,
себе представив на мгновение
её проект в карандаше.

Уж лучше петь сомнительные песенки,
чем мучиться извечными вопросами,
как нежные душой мои ровесники,
с глазами от горячих слёз белёсыми.

Вращая ручку радиоприёмника,
внезапно слышу голосок пронзительный
мною горячо любимого покойника,
как будто вижу свет я ослепительный.

Из тьмы веков он льётся тонкой струйкою,
но, если я прислушаюсь внимательно,
сомнения, что я слышу песню русскую,
в конце концов исчезнут окончательно.

СОДЕРЖАНИЕ

«В канун великих перемен...»	5
«С переходом на время декретное...»	6
«Меня спасла моя семья...»	7
«Посоветуют мне последить за нервами...»	8
«Нам не пропасть средь без вести пропавших...»	9
«Настроение предновогоднее...»	10
«Я бы не страдал от одиночества...»	11
«Заключено в яйцо курином...»	12
«Площадь привокзальная расцветена...»	13
«За окном отчаянная стужа...»	14
«Ворона села на балкон...»	15
«Выпь закричала жутко, как паромщица...»	16
«Вообразим себе с трудом...»	17
«Барина всю ночь давили черти...»	18
«Тяжёлое наследство прошлых лет...»	19
«Редкие друг к дружке жмутся дачники...»	20
«Заросли крапивы расступаются...»	21
«Здесь украшать дома заведено...»	22
«Нам на крыльях принёс музыкальный привет...»	23
«Вначале затихает птичье пенье...»	24
«Я целовать тебя в губы хочу...»	25
«Ты даёшь мне больше, чем река...»	26
«Шляпу сорвёт с меня ветра порывом...»	27
«Главное — не загордиться...»	28
«Яблоню срубил, чтоб свет не застила...»	29
«Верно, недобрую весть принесла почтальонша...»	30
«Как будто бы прошла гроза...»	31
«Никто из нас не обращал внимания...»	32
«Единственное яблоко в саду...»	33
«Наша жизнь протекает у них на глазах...»	34
«Содружество людей, зверей и птиц...»	35
«Полной грудью дышит разнотравье...»	36
«Парикмахерши сутулые в потёмках...»	37
«Чтоб понять, как Божий мир устроен...»	38

«Словно лампочку кто-то нащупал...»	39
«Было бы неплохо местожительства...»	40
«Счастливая возможность заглянуть...»	41
«Думал я, что мы друзья навеки...»	42
«На колючей проволоке мёртвая...»	43
«Среди садовой земляники...»	44
«Честный, чёткий почерк у отца...»	45
«Снег всё не шёл...»	46
«Разговоры о жизни и смерти...»	47
«При пожаре и при наводнении...»	48
«Как с любовью к Родине мне быть...»	49
«Всё для тебя — и золото садов...»	50
«Если только полущёпотом...»	51
«Весь в заусенцах яблоневый ствол...»	52
«В пруду холодная вода...»	53
«Вьются в мутной воде прудовой...»	54
«Окно захлопнулось, как книжка...»	55
«Позёмкой посечённые до крови...»	56
«Ночью мне не страшно одному...»	57
«Предположенья можно делать только...»	58
«Тусклый свет, должно быть, от лампы...»	59
«Я обратил к сынам Отечества...»	60
«Уж лучше петь сомнительные песенки...»	61

C16

Салимон В. За лицевую стороной пейзажа.

Книга стихотворений. —

СПб.: Пушкинский фонд, 2011. — 64 с.

ISBN 978-5-89803-212-8

ББК 84.Р7

Владимир Иванович Салимон
За лицевую стороной пейзажа

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

Пушкинский фонд
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 12.

ПУШКИНСКИЙ ФОНД